

**В МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ВОЛЯ, ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ
И ПРОЯВЛЕНИЕ: ВЗГЛЯДЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ
И ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»**

УДК 316.46

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280>

**ФАКТОР ЛИДЕРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ:
МЕЖДУ БЕЗВОЛИЕМ И ТРИУМФОМ ВОЛИ**

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

**THE LEADERSHIP FACTOR IN POLITICAL PROCESS:
BETWEEN WEAKNESS AND TRIUMPH OF WILL**

A. V. Glukhova

Voronezh State University

Аннотация: рассмотрен феномен политического лидерства и фактор лидера в политических процессах прошлого и настоящего. Исследованы типы политических лидеров, обусловленные как их личностными особенностями, так и спецификой исторической ситуации, в которой они действуют. Обращается внимание на транзитивную функцию лидера, призванного обеспечить переход общества из прошлого в будущее. Автор подчеркивает ценность коллективного лидерства как страховочного механизма предотвращения «триумфа воли», т. е. бесконтрольных и безответственных действий политиков, облеченные властью.

Ключевые слова: политический лидер, лисы и львы, индивидуальное и коллективное лидерство, общественная динамика, триумф воли над разумом.

Abstract: this paper explores the phenomenon of political leadership and the leader's factor in political processes, both historically and contemporaneously. It examines the types of political leaders, shaped by their personal attributes and the distinctive historical context of their actions. The focus is directed towards the transitive function of the leader, which is designed to ensure the transition of society from the past to the future. The author underscores the value of collective leadership as a safety net to prevent the 'triumph of will', i.e. uncontrolled and irresponsible actions of politicians in power.

Key words: political leader, foxes and lions, individual and collective leadership, social dynamics, triumph of will over reason.

Проблема политического лидерства как выражения практической субъектности политического действия занимала умы мыслителей с давних времен. Достаточно вспомнить «Жизнеописания» Плутарха, в которых поэтизируются и воспеваются подвиги великих героев прошлых эпох, используемые в качестве наставления юношеству и воспитания его в духе героического служения Отчизне. Одновременно с прославлением военных доблестей порицались

недостойные действия тех, кто проявил трусость, слабость или предательство и навек покрыл себя позором в глазах потомков. Вместе с тем внимание к феномену лидерства не сводилось лишь к его воспитательной, «наставнической» роли, но возрастило по мере усложнения политики, проникновения в ее внутренние пружины и механизмы, в переплетение институциональных, функциональных и коммуникативных измерений, во взаимодействия ее формального и «живого, человеческого» начала.

Дискурс лидерства в политической науке

В политической науке существует множество различных теоретических подходов к феномену лидерства и фактору лидера в реальных политических процессах. Однако, несмотря на солидное количество трудов и подходов, они далеко не в полной мере устраивают современных исследователей. Так, признанный специалист в области изучения политического лидерства, американская исследовательница Маргарет Херманн полагает, что и сегодня изучение лидерства всё еще находится «в младенческом состоянии». Столь суровый вердикт вызван, по всей видимости, тем, что по мере возрастания количества исследований в этой области всё меньше согласия по некоторым принципиальным вопросам складывается между их авторами. Предметом дискуссий являются как сами трактовки политического лидерства, так и объяснительные теории, критерии типологии политических лидеров и т. д.

Один из признанных авторов в этом ряду – флорентиец Н. Макиавелли, обогативший историю политической мысли оригинальной концепцией политического лидерства. С его точки зрения, политический лидер не должен строго следовать заповедям морали, но может «отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»¹. Автор справедливо отмечает, что государь, особенно новый, не может действовать в соответствии с теми моральными принципами, «за что людей почитают хорошими», но часто вынужден идти против своего слова ради сохранения государства. «Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е. ... по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла»². Подобные сентенции, сформулированные в жестких условиях политической борьбы рубежа XV–XVI вв., дали начало понятию «макиавелизм» в политике, имея в виду именно низкие нравственные качества политических лидеров. Печально известная сентенция – «цель оправдывает средства» – навсегда поместила Макиавелли в лагерь мыслителей, проповедующих политический аморализм. Однако не все солидарны со

столь суровым приговором. Известный французский ученый П. Рикер предложил, на наш взгляд, более точное определение позиции Макиавелли как «имморализм». «Я бы хотел отметить следующие идеи, высказанные Макиавелли, – пишет Рикер. – Во-первых, в своей книге «Государь» он говорит, что задача политики состоит в том, чтобы укреплять власть, делать ее продолжительной и стабильной. Политика должна придавать человеческой деятельности перспективу длительности: каждый из нас смертен, а общество, в котором мы живем, продолжает существовать. Во-вторых, если отвлечься от того, что называют макиавелизмом, вероломством, то нужно констатировать, что у данного автора, имеется позитивная идея о связи добродетели и случая. Я думаю, что это очень важный элемент культуры политика. С одной стороны, ему необходимо уметь использовать благоприятные возможности, а с другой стороны, он обязан оставаться честным человеком. Политики крайне редко сочетают в себе оба эти качества»³.

Н. Макиавелли считается создателем политической науки, освободившим ее от философско-этической формы и поставившим в центр политических исследований проблему государственной власти. Он подчинил политическую мысль решению реальных, практических задач и выступил прародителем политтехнологического подхода к политике, разработав технологии эффективного лидерства, органичные авторитарным политическим системам⁴. Для демократических политических лидеров наших дней его советы вряд ли могут быть приемлемыми.

Н. Макиавелли первому принадлежит идея типологизации политических лидеров исходя из объективных условий, приведших их к вершинам власти. Знаменитая дилемма «лисы / львы» основана, во-первых, на учете личностных качеств как первых, так и вторых. Львы отличаются храбростью и бесстрашием, но в силу своей самоуверенности могут вовремя не заметить опасности. Они заботятся о сплоченности группы и предпринимают силовые действия, когда их власть наталкивается на сопротивление; часто предпочитают националистические мо-

¹ Макиавелли Н. Государь // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 255.

² Там же. С. 257.

³ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / отв. ред. и авт. послесл. И. С. Вдовина. М. : КАМ, 1995. С. 108.

⁴ См.: Кравченко А. И. Макиавелли : технология эффективного лидерства // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 135–142.

тивировки для оправдания своих решений, ис- поведуют культ семьи и нации. Их власть носит поляризующий характер (свой – чужой, «друг – враг»). Львов хвалят за решительность и последовательность, а критикуют за грубость и недостаток политической гибкости.

Лисы, напротив, хитры, изворотливы и лицемерны, отчего и преуспевают в политике. В глазах людей они могут выглядеть искренними, благочестивыми и сострадательными, но внутренне сохраняют способность проявлять прямо противоположные качества, если это необходимо⁵. Лисий стиль проявляется также в рациональных и прагматично-правовых обоснованиях политических маневров. «Насколько сторонники лис почитают эти черты как проявления гибкости и ума, настолько критики смотрят на лис как на подверженных коррупции оппортунистов, лишенных нравственного стержня», – считают польские исследователи Я. Пакульски и Я. Василевски⁶.

Во-вторых, Макиавелли впервые поместил фактор лидерства (как персонального, так и группового) в соответствующий общественно-политический контекст, благоприятствующий появлению политиков с теми или иными, им внутренне присущими качествами. Львы появляются в сложные, кризисные периоды, когда политическая система приходит в состояние нестабильности и требуются быстрые и решительные действия по предотвращению угрозы дестабилизации. Лисы же, напротив, есть атрибут спокойных, благополучных времен, когда возникает спрос на такие присущие им качества, как склонность к компромиссам, всевозможным (не всегда чистоплотным) сделкам и т. д. Политический маятник, движущийся от одного полюса к другому, уравновешивает как жажду скорых перемен, так и ценность стабильно-го существования.

Внимание к феномену политического лидерства на рубеже XX–XXI вв. было в немалой степени продиктовано кризисом политических институтов, вызвавшим в широких мас- сах недоверие к демократическим процедурам и практикам и, напротив, доверие к конкретным персонажам политической сцены.

⁵ См.: Макиавелли Н. Указ. соч. С. 257.

⁶ См.: Пакульски Я., Василевски Я. Циркуляция политических элит : от лис к львам // Политические исследования (ПОЛИС). 2008. № 6. С. 24.

М. Вебер, З. Фрейд, итальянские ученые Г. Моска и В. Парето – создатели элитистского подхода упомали на личностный фактор в политике как противовес «железному закону олигархических тенденций» (Р. Михельс) и высвобождению политического начала из костной бюрократической клетки.

Традиция макиавелизма нашла себе достойное продолжение в конце XIX в., в трудах немецкого философа Ф. Ницше, создавшего концепцию сверхчеловека – «великого человека толпы», способного управлять людьми, используя низменные страсти и пороки. Ф. Ницше исходил из того, что каждый человек эгоистичен по своей натуре, и в повседневной жизни, как и в критические периоды истории, легко преступает границы права. Более того, человеку присущи такие низменные качества, как ненависть, зависть, гнев, периодически вырывающиеся наружу и приносящие людям неисчислимые бедствия. Ницше полагал, что страсть к насилию, войне и разрушениям коренится в инстинкте враждебности, свойственном человеку как родовому существу, и сдерживать его чрезвычайно сложно.

Ницше дал политическим технологам «легкий рецепт» производства «великого человека толпы», который и сегодня пришелся бы по вкусу политикам популистского толка. «При всяких условиях нужно доставлять ей (толпе. – А. Г.) то, что ей весьма приятно, или сначала вбить ей в голову, что то или иное было бы приятно, а затем дать ей это. Но ни в коем случае не сразу; наоборот, следует завоевывать это с величайшим напряжением или делать вид, что завоевываешь. Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или, по крайней мере, должно казаться, что такая сила существует. Сильной волей восхищается всякий, потому что ни у кого ее нет, и всякий говорит себе, что, если бы он обладал ею, для нее и для его эгоизма не было бы границ. И если обнаруживается, что такая сильная воля осуществляет что-либо весьма приятное толпе, вместо того чтобы прислушиваться к желаниям своей алчности, то этим еще больше восхищаются и с этим поздравляют себя. В остальном такой человек должен иметь все качества толпы: тогда она тем менее будет стыдиться перед ним, и он будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником, завистником, эксплуататором, ин-

**V Международный междисциплинарный научно-практический семинар
«Воля, ее формирование и проявление: взгляды в юриспруденции...»**

триганом, льстецом, пролазой, спесивцем – смотря по обстоятельствам»⁷.

Ф. Ницше в большей степени, чем Н. Макиавелли, разрабатывал психологический подход к феномену лидерства. Если для Макиавелли независимость и безопасность родной Флоренции была той целью, ради которой годились любые средства, то в случае Ницше содержание цели было куда более амбициозным – мировое господство. Не удивительно, что во время Второй мировой войны немецкие нацисты использовали философию Ф. Ницше для оправдания бесчеловечной политики «Третьего рейха». Ужасы, принесенные человечеству этими практиками, надолго дискредитировали их, и породившие их теории. Не случайно самой острой проблемой нашего времени стала проблема выявления природы разрушительного начала в индивидуе, социуме и истории, проделанного, наряду с другими авторами, известным американским ученым Э. Фроммом⁸.

Дискредитация практики радикализма, экстремизма и агрессии способствовала появлению другой концепции политического лидерства, которая обращается к лучшим сторонам человеческой души, призывает к любви, миротворчеству и ненасилию. Наиболее ярким воплощением такого типа лидерства стал индийский политический деятель М. Ганди. Не занимая никаких официальных постов, он совершил величайший переворот в истории своей страны – добился ее освобождения от британского колониального владычества. Первый президент независимой Индии Д. Неру представил портрет Ганди в своей книге «Взгляд на всемирную историю»: «... Голос Ганди отличался от других голосов. Он звучал тихо и спокойно, и, тем не менее, его не могли заглушить крики толпы. Он был мягким и ласковым, но в нем звенела сталь. Он звучал вежливо, он увещевал, но в нем слышалось нечто непреклонное и угрожающее. Каждое произнесенное им слово было исполнено значения и чрезвычайной серьезности. За мирными и дружественными словами таилась сила, призыв к действию и решимость не уступать злу»⁹.

⁷ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истории и эволюция. С. 807.

⁸ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 635 с.

⁹ Цит. по: Панарин А. С., Василенко И. А. Политология : Общий курс : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. С. 135.

М. Ганди видел все ужасы Второй мировой войны и не мог принять радикализм как способ достижения любой, даже самой возвышенной цели. Более того, по его мнению, лидер может добиться политической власти при помощи любви, представляющей собой активное ненасилие как основу существования мира. Индийский мыслитель и политик сформулировал и обосновал основные принципы ненасильственного политического лидерства: не сотрудничество с колонизаторами (отказ от должностей, бойкот правительственный иных учреждений), организация мирных демонстраций и шествий и гражданское неповиновение – неподчинение законам колониальной администрации. «Лидерство ненасилия» М. Ганди апеллировало к мирным способам урегулирования конфликтов – переговорам, посредничеству, арбитражу и т. д.

Среди современных концепций политического лидерства можно выделить несколько наиболее популярных. М. Херманн уделяет первостепенное внимание типологии лидерства исходя из их стилевых особенностей (знаменосец, служитель, торговец, пожарный)¹⁰. Британский историк и политолог А. Браун в большей степени акцентирует поведенческие стратегии лидеров и формы их коммуникации с последователями, отмечая преимущества коллективного и коллегиального лидерства перед индивидуальным и личным¹¹. Немецкий исследователь Ю. Хартманн в своей книге «Личность и политика» использует психологический и биографический методы в исследовании становления ряда политических лидеров – носителей власти в Германии, Франции, Великобритании, США, СССР/России и Китае¹². Польский политолог Е. Вятр проводит различие между «транзакционными» и «трансформирующими» лидерами и их периодической взаимозаменяемостью в истории¹³. Известный дипломат и поли-

¹⁰ См.: Херманн М. Д. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. (ПОЛИС). 1991. № 1. С. 91–98.

¹¹ См.: Браун А. Типы лидеров : определить, найти подход, добиться своего / [пер. с англ. Е. Деревянко]. М. : Бомбера Эксмо, 2019. 412 с. ; Его же. Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 104–120.

¹² См.: Hartmann J. Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

¹³ См.: Wiatr J. J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

тик Г. Киссинджер в своей последней книге, посвященной лидерству, предлагает политические портреты шести известных лидеров – глав государств, сыгравших, по его мнению, выдающиеся роли в политических процессах второй половины XX в.¹⁴ Со всеми ними он был знаком лично и участвовал в выработке соответствующих соглашений и договоров по урегулированию международных конфликтов. Представители отечественной исторической науки Р. Медведев и Н. Андреев в своей книге «Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство» рассматривают личностные особенности двух лидеров как фактор развития России и Китая, а также глобального миропорядка¹⁵. Наконец, усилиями коллектива российских ученых из МГИМО создана коллективная монография «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада», объектом которой выступают как ведущие страны Запада (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия и т. д.), так и менее изученные, но не менее интересные – Бразилия, Албания и Румыния. Анализируя в историко-политологическом ключе события в этих странах, авторы монографии обращаются к личностному срезу лидерства, выстраивая его типологии, выявляя взаимодействие между традициями политических культур разных стран и новыми политico-культурными трендами¹⁶.

Лидер в контексте движения от прошлого к будущему

Главной предпосылкой появления той или иной модели лидерства выступает *общественная динамика*. Любое общество, независимо от характера политической системы, постоянно находится в транзите между прошлым, формирующим его память, и картиной будущего, направляющей его эволюцию. Этот путь нуждается в лидерских качествах, включая принятие решений, определение направления движения, убеждение соратников и завоевание доверия у последователей. Эти функции, хоть и в меньшем социаль-

ном масштабе, проявляются и в других социальных институтах, например в армии, церкви или компании, где предстоит переход из одного состояния в другое. «Без лидерства учреждения ложатся в дрейф, а страны скатываются в нерелевантность, заканчивая катастрофой», – отмечал Г. Киссинджер¹⁷. По его мнению, лидеры мыслят и действуют на пересечении двух осей: одна пролегает между прошлым и будущим, вторая – между традиционными ценностями и устремлениями подвластных. Отсюда от лидера в первую очередь требуется анализ реального состояния дел; он должен найти равновесие между тем, что следует взять из прошлого, и интуитивным представлением о желаемом будущем, которое всегда неопределенно и гипотетично. Если лидер хотя бы интуитивно понимает направление движения, то это позволяет ему формулировать задачи, разрабатывать стратегию и добиваться поддержки своих сторонников. Государственное управление, как известно, располагает монополией на узаконенное насилие, однако лидерство, опирающееся только на принуждение, считается неадекватным. Настоящее лидерство «определеняется стремлением окружающих ориентироваться на лидера и следовать за ним»¹⁸. Он также должен побуждать свою команду транслировать идеи, нацеленные на решение насущных практических вопросов, а также его внутреннюю энергию и волю. Вместе с тем качество окружения способно как увеличить, так и уменьшить образ лидера.

Сегодня в политической науке уделяется пристальное внимание различию индивидуального и колективного лидерства. Первое преобладает в рамках авторитарных политических режимов и в крайних своих проявлениях нередко трансформируется в диктатуру. Демократические политические режимы, особенно парламентские демократии, в большей степени ориентированы на коллективное лидерство, хотя и здесь повышенное внимание к лидерам политических партий, усиленно продвигаемых масс-медиа, создает преувеличенное представление о значимости вклада высшего руководителя в политический процесс и нереалистичные ожидания в отношении роли, которую этот лидер может играть во всём политическом спектре. Это способствует формированию в мас-

¹⁴ См.: Киссинджер Г. Лидерство / [пер. с англ. С. Рюмина]. М. : ACT, 2024. 624 с. (Мировой порядок).

¹⁵ См.: Медведев Р., Андреев Н. Владимир Путин и Си Цзиньпин : личность и лидерство. М. : АИРО ХХI, 2021. 224 с.

¹⁶ См.: Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада / под ред. Л. С. Окуневой. М. : МГИМО-Университет, 2022. 660 с.

¹⁷ См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ Браун А. Политическое лидерство и политическая власть. С. 104.

V Международный междисциплинарный научно-практический семинар «Воля, ее формирование и проявление: взгляды в юриспруденции...»

совом сознании необоснованной веры в то, что «сильный лидер», максимизирующий свою личную власть, олицетворяет собой наиболее блестящий и успешный тип руководителя. «В действительности эффективное лидерство чаще носит коллективный и коллегиальный характер, – полагает А. Браун. – Чем дальше лидер отделен от других избираемых политиков, тем большее независимое влияние – и большую власть де-факто – приобретают его не избираемые советники»¹⁹. Идея сильного лидера, наделенного безграничными полномочиями, представляет собой опасную иллюзию, вне зависимости от того, о каком режиме (авторитарном, гибридном, демократическом) идет речь, и исторический опыт дает достаточно доказательств на этот счет.

Лидерство наиболее востребовано в кризисные, переходные периоды, когда старые ценности и институты теряют свою привлекательность, а очертания достойного будущего вызывают споры. Как утверждал Ф. Гринстайн, «личность лидера становится особенно важной, *во-первых*, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом; *во-вторых*, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей; *в-третьих*, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими различные политические решения. Роль личности в политическом процессе тем больше, чем более восприимчива среда к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе и чем ярче сила “эго” того или иного политика»²⁰.

Сила «эго», на наш взгляд, и есть проявление волевых психологических качеств личности, главными из которых являются бесстрашие и твердость характера. Бесстрашие необходимо при выборе одного направления из массы трудных и запутанных вариантов; твердость характера обеспечивает продолжение движения намеченным курсом, даже если его выгоды не очевидны.

М. Вебер в своей классической работе «Политика как призвание и профессия» (1919) поставил вопрос о политическом лидерстве в этическом плане: каким надо быть человеку,

чтобы повлиять на ход истории? По мнению автора, главными качествами политического лидера должны быть *страсть, чувство ответственности и глазомер*.

Страсть означает *страстную ориентацию на существо дела и страстную самоотдачу ему*; это первый закон политического лидерства. Вместе с тем одной только страсти недостаточно; если страстное служение не будет ответственным, человек не станет политическим лидером. Его «путеводной звездой» должна стать *ответственность перед своим делом*.

Но как добиться соединения страсти и ответственности, чтобы ни одно из этих качеств не было утеряно? По Веберу, решающим психологическим качеством, соединяющим воедино страсть и ответственность, является *глазомер*, т. е. «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям»²¹. Отсутствие дистанции рассматривалось ученым как один из смертных грехов политика, поскольку проблема в том и состоит, чтобы «втиснуть» в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер²². И вполне очевидно, что это крайне сложная задача, поскольку жертвование ответственностью может снять с лидера все ограничения по поводу реализации своих намерений (даже самых авантюрных), а жертвование страстью означает отказ от инициирования и руководства переменами. Отсюда следует и знаменитое определение политики как социального явления: «Политика есть мощное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером»²³.

Согласно М. Веберу, с этической точки зрения существует два способа сделать из политики свою профессию: жить либо для политики, либо за счет политики и политикой. Но вряд ли можно считать данную противоположность исключительной: обычно, по меньшей мере, духовно, но чаще всего и материально, делают и то, и другое. Историк Эндрю Робертс напоминает: при том что наиболее общее понимание «лидерства» ассоциируется с неизменным bla-

¹⁹ Браун А. Политическое лидерство и политическая власть. С. 113.

²⁰ Цит. по: Шестopal Е. Б. Парадоксы политического лидерства // Политические исследования (ПОЛИС). 2023. № 3. С. 184.

²¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия / [пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова ; вступ. ст. А. Ф. Филиппова ; коммент. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 307.

²² См.: Там же. С. 252–326.

²³ См.: Там же. С. 326.

городством, «лидерство, по сути, совершенно нейтрально в плане морали и способно привести человечество как в пропасть, так и к солнечным вершинам. Это – многообразная и чрезвычайно мощная сила, которую мы должны стремиться направлять на достижение моральных целей»²⁴.

К чему может привести триумф воли?

Если рассматривать волю как философское понятие, то речь пойдет о феномене регуляции субъектом своей деятельности и поведения. Воля отвечает за постановку целей и концентрацию внутренних усилий для их достижения. Политическая воля трактуется как способность человека (группы людей) действовать в направлении сознательно поставленной политической цели, преодолевая при этом внутренние и внешние препятствия. Естественно, что и формулировка цели, и мобилизация ресурсов на ее достижение требуют персонального и группового лидерства, что и составляет функционал конкретного политика и формирующейся вокруг него элиты.

Но как воспрепятствовать тому, чтобы в желаемом равновесии страсти и ответственности не подвел глазомер? Как помешать пагубному движению к торжеству безответственной воли, которая может потребовать очень высокую цену за свой триумф?

Не у каждого исследователя природы лидерства мы можем найти ответ на поставленный вопрос, однако такой ответ есть у писателя, причем очень тонкого знатока человеческой природы и, прежде всего, психологии незаурядной личности.

Австрийский писатель С. Цвейг в одном из своих историко-критических очерков показывает, как безумная страсть к мировому господству такого безусловно умного, гениального человека, как Наполеон Бонапарт, заставляет его разрушать то, что он сам же и создал, демонстрируя нам *триумф воли над разумом*. С. Цвейг начинает с того, что отмечает постоянно возрастающее общее напряженное состояние эпохи. С каждым годом внутри Франции всё яснее обнаруживается существование двух противоположных стремлений: страна желает, наконец, мира, а Наполеон – всё новых и новых войн. «В 1800 г. Бонапарт, получивший в наследство революцию и упорядочивший ее, составлял еще одно целое со своей страной, со своим народом и своими

министрами. Наполеон 1804 г., император нового десятилетия, уже давно не думает более о своей стране, о своем народе, а единствено только о Европе, о мире, о бессмертии. После того, как он мастерски разрешил порученную ему задачу, он ставит перед собой, *благодаря избытку сил* (выделено мной. – А. Г.), новые, всё более трудные задачи, и тот, кто превратил хаос в порядок, разрушает свое собственное дело, ввергая порядок обратно в хаос»²⁵.

С. Цвейг отнюдь не хочет сказать, что разум Наполеона потускнел, однако последний при всех своих неслыханных победах *утратил реальную меру возможного*²⁶. Вместе с успехами растут его цели, с победами – его дерзость, с торжеством над судьбой – желание бросать ей всё более и более дерзкие вызовы. Поэтому вполне естественно, что приходят в ужас окружающие его люди, не оглушенные фанфарами бюллетеней о победах: дипломат Талейран и руководитель тайной полиции Фуше. Они думают о своей эпохе, настоящем, Франции, а Наполеон – единственно о будущем, легенде, истории. «...Он мыслит только полками, корпусами, армиями: он уже давно рассматривает Францию, всю страну, весь мир только как свою ставку, как безраздельно принадлежащую ему собственность: «La France c'est moi» («Франция – это я»)²⁷.

Нечто подобное в Европе прозвучит чуть более столетия спустя и приведет к катастрофическим последствиям. Начало этой катастрофы документально зафиксировано в печально знаменитом фильме кинорежиссера Лени Рифеншталь «Триумф воли». Название фильма напоминает о бонапартистской фантазии, согласно которой некогда революционная воля народа растворилась в высшей волне фюрера. *Воля стала содержанием, триумф – формой*.

Действие фильма происходит в Нюрнберге в сентябре 1934 г., во время проведения VI ежегод-

²⁵ Цвейг С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6: Врачевание и психика ; Жозеф Фуше : Портрет политического деятеля. М. : ТЕРРА, 1992. С. 481.

²⁶ «Поход Александра из Греции до Индии, представляющийся еще и сейчас сказочным, когда следишь за ним, проведя пальцем по карте, марш Карла XII из Стокгольма до Полтавы, караван в шестьсот тысяч человек, который Наполеон тащит от Испании до Москвы – все эти великие проявления мужества и в то же время высокомерия. И Наполеон неудержимо стремится к этому крайнему пределу, как только он чувствует у себя на челе императорскую корону» (Цвейг С. Указ. соч. С. 482).

²⁷ Там же. С. 482.

²⁴ Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 22.

V Международный междисциплинарный научно-практический семинар
«Воля, ее формирование и проявление: взгляды в юриспруденции...»

ного съезда НСДАП. Вступительный титр гласит: «20 лет после начала мировой войны... 16 лет после начала немецкого горя... 19 месяцев после начала германского возрождения...» Название, как и происходящее на экране действие, отсылает к триумфам, проводившимся в Древнем Риме победителями в значимых сражениях или покорением других народов и государств. В данном же случае в роли триумфатора выступает Адольф Гитлер, который всего пару месяцев назад преодолел раскол в партии посредством истребления своих бывших соратников («Ночь длинных ножей»). Замысел авторов заключался в том, чтобы показать возрождение немецкой нации после позорного поражения в Первой мировой войне, а также единство немецкого народа, национал-социалистической партии и ее лидера. Фильм завершался речью одного из ключевых сподвижников фюрера Г. Гесса: «Партия – это Гитлер! Гитлер же – это Германия, так же, как и Германия – это Гитлер!»²⁸

В более академической форме подобные идеи прозвучали в трактате известного немецкого юриста К. Шмитта «Фюрер защищает право», написанного в августе 1934 г.: «До сегодняшнего дня мы расплачиваемся за медлительность и торможение германских правительства во время Мировой войны, – пишет К. Шмитт. – Всё нравственное возмущение позором подобного краха сконцентрировалось в Адольфе Гитлере и стало в нем движущей силой политического действия. Весь опыт и предупреждения истории немецкого несчастья живут в нем. Большинство опасается жесткости подобных предупреждений и предпочитает бегство в уклончивую и компромиссную поверхность. Однако фюрер серьезно относится к урокам немецкой истории. Это дает ему право и силу для обоснования нового государства и нового порядка»²⁹. Какими были это новое государство и новый порядок,

известно всему миру. Позднейшие исследования юридических и политических практик Третьего рейха показали, что его создатели совершенно порвали со старой немецкой правовой традицией. Однопартийному государству, построенному А. Гитлером, было присуще безусловное повиновение воле фюрера; оно отличалось анархией компетенций и отсутствием каких-либо правил игры. По мнению немецкого ученого Ф. Нойманна, нацистская диктатура представляла собой «мешанину отдельных групповых и частных интересов, реализация которых была поставлена в зависимость от интересов квазинациональной общности и ее целей, – таким образом, всякое социально обоснованное сопротивление системе было исключено этой групповой порукой»³⁰.

Таким образом, великие исторические события порождаются совокупной волей лидера, элит – сподвижников лидера и нации, чья воля вызревает латентно, в глубинах общественной психологии. Если в обществе не созрел запрос на перемены (в ту или иную сторону), то никакой лидер, даже с очень сильной волей, не сможет привести огромную массу людей в движение. Но если такой запрос есть и лидер сумел адекватно его прочесть и прочувствовать, то это порождает огромную социальную энергию, которой очень трудно противостоять. Воля нации к сопротивлению и освобождению остается решающим фактором любого масштабного политического действования. При этом лидер, конечно, играет на сильных чувствах, лежащих в основании этой совокупной воли, многократно умножая, масштабируя и одновременно оформляя ее в мощное общественное движение, определяя его вектор и общий тренд, формулируя его цели и ценностные ориентиры.

Возможны другие ситуации, когда общество хочет перемен, но политические элиты и лидеры не готовы их инициировать и возглавить то ли в силу собственной ограниченности и беспомощности, то ли в логике самосохранения во власти, насколько это возможно (по принципам «не стоит рисковать», «после нас хоть потоп!», «пусть решают будущие поколения!»). В таких случаях общество впадает в состояние выученной беспомощности и безвольной пассивности, т. е., по просту говоря, социального гниения – распада

²⁸ После разгрома Третьего рейха Л. Рифеншталь представлена перед судом, однако ей удалось избежать наказания под предлогом того, что она снимала документальный фильм, свободный от идеологических и политических пристрастий. Однако из дневников, найденных уже после ее смерти, следовало, что она разделяла идеи национал-социализма и была убежденной сторонницей А. Гитлера и НСДАП.

²⁹ Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. А. Кильдюшова ; сост. В. А. Анашвили, О. А. Кильдюшов ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. С. 265.

³⁰ Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2015. С. 17.

социальной ткани, разрушения правовых и нравственных норм, нарастания суицидальных актов (аномия, по Э. Дюркгейму). Первый же глубокий кризис – экономический, финансовый или военный – может вызвать политический взрыв с не-предсказуемыми последствиями.

Другая, прямо противоположная ситуация – всесилие воли, ее триумф. Неограниченная воля крушит, прежде всего, институты, замыкает массы напрямую на лидера и элиминирует элиты из политического процесса. Особенно опасно, если воля опирается преимущественно на амбиции. Разумеется, без той или иной доли амбициозности политика вообще не существует: амбициозность – в известном смысле слова – и есть форма проявления волевого начала. Однако проблема заключается в том, какова мера этих амбиций и кому они служат в первую очередь – самому лидеру или делу, за которое он несет ответственность. Часто преобладание амбиций ведет к безрассудным действиям, преимущественно в личных интересах лидера, но не общества в целом. Однако, как показывает история, люди не часто извлекают из нее должные уроки.

И, тем не менее, политика остается слишком «человеческим действием» (Ф. Ницше), поэтому запрос на «сильного» лидера (решительного, смелого, целеустремленного и т.д.) сохраняется в качестве некой константы политической борьбы, особенно в странах с авторитарной политической культурой, где агрессивность, даже жестокость, готовность идти напролом ценятся гораздо больше, чем компромиссы и сделки, расцениваемые как проявления слабости. Как утверждали Н. Макиавелли и В. Парето, кризисные ситуации рождают запрос на лидеров – льзов в надежде, что они силу воли разрешат все сложные вопросы. Сегодня в мировой и внутренней политике наступили именно такие времена, поэтому неудивительно, что наблюдается расцвет правого популизма, электоральные успехи которого создают угрозу откровенно авторитического правления, где первой жертвой, как правило, становятся правовые и политические институты и нормы³¹. Хуже того, военные интервенции («маленькая победоносная война») также могут показаться соблазнительными для лидеров, гордящихся своей «силой» или

³¹ См.: Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2024. С. 95–168.

стремящихся выглядеть таковыми. «Военные лидеры часто обладают также более высоким престижем, чем руководители мирного времени, хотя рискуют своей репутацией и, что важнее, жизнями и здоровьем других», – напоминает А. Браун³². Помимо прочего, автократическую тенденцию порождают и стимулируют само количество и характер возникающих вызовов. Их калейдоскопический круговорот и увеличившаяся скорость социального времени часто не оставляют места для продолжительных дебатов и согласований, что повышает произвол в принятии решений и увеличивает цену политических ошибок. Таким образом свести их к минимуму – вот сегодня главная проблема политической теории и практики.

Одновременно с этими антидемократическими тенденциями растет запрос на гуманизацию политики и повышение ответственности политических лидеров за принимаемые ими решения³³. По мнению С. А. Кравченко, прагматически и меркантильно ориентированные науки и технологии, характерные для становящегося цифрового общества, радикально изменяют реалии власти и насилия, лишая их собственно культурного содержания, размывая смысл легитимности и нелегитимности. «Идет становление принципиально новой власти, базирующейся на цифровом насилии над человеком и обществом»³⁴. Отсюда острая необходимость в разработке гуманистической политики, направленной на преодоление насилия, исходящего как от корыстного использования власти политическими элитами, так и от побочных эффектов формально-прагматической деятельности человека.

Библиографический список

Браун А. Типы лидеров : определить, найти подход, добиться своего / [пер. с англ. Е. Деревянко]. М. : Бомбара Эксмо, 2019. 412 с.

Браун А. Политическое лидерство и политическая власть // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 104–120.

Вебер М. Политика как призвание и профессия / [пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова ; вступ-

³² См.: Браун А. Политическое лидерство и политическая власть. С. 115.

³³ См.: Нисневич Ю. А. Политическая ответственность : институциональная постановка проблемы // Политические исследования (ПОЛИС). 2013. № 4. С. 62–74.

³⁴ Кравченко С. А. Спираль усложнения насилия : вос требованность гуманистической политики // Политические исследования (ПОЛИС). 2019. № 5. С. 51.

**V Международный междисциплинарный научно-практический семинар
«Воля, ее формирование и проявление: взгляды в юриспруденции...»**

пит. ст. А. Ф. Филиппова ; коммент. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М. : РИПОЛ классик, 2017. С. 252–326.

Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. унта, 2024. 254 с.

Киссинджер Г. Лидерство / [пер. с англ. С. Рюмина]. М. : АСТ, 2024. 624 с. (Мировой порядок).

Кравченко А. И. Макиавелли : технология эффективного лидерства // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 135–142.

Кравченко С. А. Спираль усложнения насилия : востребованность гуманистической политики // Политические исследования (ПОЛИС). 2019. № 5. С. 43–55.

Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада / под ред. Л. С. Окуневой. М. : МГИМО-Университет, 2022. 660 с.

Макиавелли Н. Государь // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 252–264.

Медведев Р., Андреев Н. Владимир Путин и Си Цзиньпин : личность и лидерство. М. : АИРО XXI, 2021. 224 с.

Нисневич Ю. А. Политическая ответственность : институциональная постановка проблемы // Политические исследования (ПОЛИС). 2013. № 4. С. 62–74.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 1: Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция. С. 801–814.

Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2015. 591 с.

Панарин А. С., Василенко И. А. Политология : Общий курс : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 256 с.

Пакульски Я., Василевски Я. Циркуляция политических элит : от лис к львам // Политические исследования (ПОЛИС). 2008. № 6. С. 23–36.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : ACT : ACT МОСКВА, 2009. 635 с.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / отв. ред. и авт. послесл. И. С. Вдовина. М. : КАМИ, 1995. 159 с.

Херманн М. Д. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования (ПОЛИС). 1991. № 1. С. 91–98.

Цвейг С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6: Врачевание и психика ; Жозеф Фуше : Портрет политического деятеля. М. : ТЕРРА, 1992. 592 с.

Шестопал Е. Б. Парадоксы политического лидерства // Политические исследования (ПОЛИС). 2023. № 3. С. 181–191.

Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. А. Кильдишова ; сост. В. А. Анашвили, О. А. Кильдишов ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 272 с.

Hartmann J. Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

Wiatr J. J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

References

Brown A. Types of Leaders : Identify, Find an Approach, Achieve Your Goal / [transl. from English by E. Derevyanko]. Moscow : Bombora Eksmo, 2019. 412 p.

Brown A. Political Leadership and Political Power // Political Studies (POLIS). 2016. No. 1. P. 104–120.

Weber M. Politics as a Vocation and Profession / [transl. from German by B. M. Skuratova, A. F. Filippova ; introduction by A. F. Filippova ; commentary by T. A. Dmitrieva, A. F. Filippova]. Moscow : RIPOL classic, 2017. P. 252–326.

Glukhova A. V. Political science facing the challenges of a divided world (conflictological dimension). Voronezh : Publishing House of the Voronezh State University House, 2024. 254 p.

Kissinger G. Leadership / [trans. translated from English by S. Ryumin]. Moscow : AST, 2024. 624 p. (World order).

Kravchenko A. I. Machiavelli : the technology of effective leadership // Sociological Research. 1993. No. 6. P. 135–142.

Kravchenko S. A. Spiral of complication of violence : the relevance of humanistic politics // Political studies (POLIS). 2019. No. 5. P. 43–55.

A leader against the background of an era. Traditions and innovation of modern political leadership in Western countries / ed. by L. S. Okuneva. Moscow : MGIMO University, 2022. 660 p.

Machiavelli N. The Sovereign // Anthology of world political thought : in 5 vol. Moscow : Mysl, 1997. Vol. 1: Foreign political thought : origins and evolution. P. 252–264.

Medvedev R., Andreev N. Vladimir Putin and Xi Jinping : personality and leadership. Moscow : AIRO XXI, 2021. 224 p.

Nisnevich Yu. A. Political responsibility : an institutional formulation of the problem // Political studies (POLIS). 2013. No. 4. P. 62–74.

Nietzsche F. Human, too human // Anthology of world political thought : in 5 vol. Moscow : Mysl, 1997. Vol. 1: Foreign political thought: origins and evolution. P. 801–814.

A. B. Глухова

Фактор лидерства в политических процессах: между безволием и триумфом воли

Neumann F. L. Behemoth. The structure and practice of National Socialism 1933–1944 / transl. from English by V. Y. Bystrov. St. Petersburg : Vladimir Dahl, 2015. 591 p.

Panarin A. S., Vasilenko I. A. Political Science : General course : studies. the manual. Moscow : Logos, 2003. 256 p.

Pakulski Ya., Vasilevsky Ya. Circulation of political elites : from foxes to lions // Political Studies (POLIS). 2008. No. 6. P. 23–36.

Fromm E. The anatomy of human destructiveness. MOSCOW : AST : AST MOSCOW, 2009. 635 p.

Riker P. Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews / ed. and author's afterword by I. S. Vdovin. Moscow : KAMI, 1995. 159 p.

Hermann M. D. Leadership styles in shaping foreign policy // Political Studies. (POLICY). 1991. No. 1. P. 91–98.

Zweig S. Collected works : in 10 vol. Moscow : TERRA, 1992. Vol. 6: Healing and the psyche ; Joseph Fouche : Portrait of a politician. 592 p.

Shestopal E. B. Paradoxes of political leadership // Political studies (POLIS). 2023. No. 3. P. 181–191.

Schmitt K. The State and political form / transl. from German by O. A. Kildyushov ; comp. V. A. Anashvili, O. A. Kildyushov ; State University – Higher School of Economics. Moscow : Izdat. House of State University – Higher School of Economics, 2010. 272 p.

Hartmann J. Personlichkeit und Politik. 1. Auflage. Wiesbaden : VS Verlag fur Socialwissenschaften, 2007. 315 S.

Wiatr J. J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives. Berlin, Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2022.

Воронежский государственный университет

Глухова А. В., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии

E-mail: avgulkhova@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Для цитирования:

Глухова А. В. Фактор лидерства в политических процессах: между безволием и триумфом воли // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280>

Voronezh State University

Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Sociology and Political Science Department

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Received: 13.01.2025

For citation:

Glukhova A. V. The leadership factor in political processes: between weakness and triumph of will // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/270-280>